

УДК 327.56

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-126-136

РОЛЬ «МЕМОРАНДУМА КОЗАКА» В ПРИДНЕСТРОВСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ: АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Губарь А. И.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть внешнеполитический и внутривнутриполитический контексты, сопровождавшие разработку «Меморандума Козака» как оптимального варианта долгосрочного урегулирования приднестровского конфликта.

Процедура и методы. При проведении исследования применены методы теоретического анализа, обобщения, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический.

Результаты. В ходе работы были проанализированы причины, по которым проект был отвергнут президентом Республики Молдова В. Ворониным; раскрывается значение неиспользованного, но по-прежнему актуального потенциала этого документа в приднестровском урегулировании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проанализировано содержание предшествующих «Меморандуму Козака» проектов урегулирования приднестровской проблемы, которые не получили дальнейшего развития. Обосновано, что принятие «Меморандума Козака» могло стать поворотным пунктом в долгосрочном, если не окончательном, урегулировании приднестровской проблемы. Результаты статьи могут быть использованы при составлении лекционных курсов по современной истории и внешней политике России, истории конфликтов на постсоветском пространстве, а также как одна из позиций для дальнейшего исследования данной проблематики.

Ключевые слова: приднестровское регулирование, «Меморандум Козака», переговорный процесс, Россия, Европейский Союз, миссия ОБСЕ

THE ROLE OF THE “KOZAK MEMORANDUM” IN THE TRANSNISTRIAN SETTLEMENT: CURRENT READING

A. Gubar

State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the foreign policy and domestic political contexts which accompanied the development of the “Kozak Memorandum” as the best option for the long-term settlement of the Transnistrian conflict.

Methodology. When conducting the study, such methods as theoretical analysis, generalization, comparative-historical and problem-chronological methods were used.

Results. In the case of study, the reasons why the project was rejected by the President of the Republic of Moldova V. Voronin were analyzed; the article also discloses the value of the unused but still relevant potential of this document in the Transnistrian settlement.

Research implications. The content of the draft settlement of the Transnistrian problem, which did not receive further development, was analyzed. It is justified that the adoption of the “Kozak Memorandum” could have become a turning point in the long-term, if not final, settlement of the Transnistrian problem. The results of the article can be used in compiling lecture courses on modern history and foreign policy of Russia, the history of conflicts in the post-Soviet space, as well as as one of the positions for further research on this issue.

Keywords: Transnistrian settlement, “Kozak Memorandum”, negotiation process, Russia, European Union, OSCE mission

Введение

Статья посвящена одному из ключевых моментов в истории приднестровского урегулирования, связанного с разработкой и процедурой рассмотрения «меморандума Козака». Данная проблема относится к современной истории, взгляд на которую ещё в процессе формирования. Тем не менее урегулирование приднестровского конфликта анализируется в научных исследованиях доктора политических наук, профессора, руководителя отдела Приднестровья и Молдовы Института стран СНГ С. Я. Лавренова [4; 5]. Обобщённые выводы по региону обобщаются в работах кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Южного федерального университета В. А. Колосова [1; 2].

Целью статьи является рассмотрение внешнеполитического и внутривнутриполитического контекста, сопровождавшего разработку «меморандума Козака» как оптимального варианта долгосрочного урегулирования приднестровского конфликта. Анализируются причины, по которым план был отвергнут тогдашним президентом Республики Молдова В. Ворониным, раскрывается значение неиспользованного, но по-прежнему актуального потенциала этого документа в приднестровском урегулировании.

Внешнеполитический контекст

Крах Советского Союза, устранивший политико-идеологические противоречия между Россией и Западом, казался, создавал долгосрочные предпосылки для нормализации их отношений. Однако ЕС и НАТО изначально не рассматривали постсоветские республики в качестве равноправных субъектов региональной политики. В частности, к России Запад относился как к стороне, потерпевшей поражение в холодной войне и вследствие этого находящейся в зависимом положении.

Но, учитывая региональный вес России, целью ЕС являлась реализация политики, направленной на вывод бывших восточноевропейских социалистических стран и постсоветских республик из-под сферы влияния России с последующим «встраиванием» их в политико-экономическое пространство ЕС.

Российское руководство в 1990-е гг., поглощённое решением многочисленных проблем, связанных с радикальным реформированием страны и нуждаясь в кредитной поддержке со стороны Запада, не могло в этот период эффективно противодействовать подобному отношению.

Эти факторы оказали непосредственное влияние на принятие российской стороной в 1994 г. предложения европейских коллег подписать «Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве», заложившее сотрудничество между странами

Европейского союза и Российской Федерации¹. В действительности оказалось, что существенной помощи после ратификации договора в 1997 г. не произошло [8, с. 80]. Фактически это и послужило началом охлаждения отношений между Москвой и Брюсселем.

Ещё одним раздражителем в двусторонних отношениях стали инициированные Брюсселем в 1998 г. переговоры о вступлении в Европейский союз стран из Центральной и Восточной Европы. В первую очередь это касалось бывших стран социалистического блока. Уровень напряжённости между Россией и ЕС неуклонно рос, и во избежание потенциальной эскалации конфликта со стороны западных стран в 1998 г. было принято решение признать Россию страной с рыночной экономикой, что значительно увеличило потенциал российских товаров на европейском рынке.

В следующем году на саммите Европейского союза, проходившем в немецком Кёльне, принята «общая стратегия» европейских государств по взаимоотношениям с Россией, однако документ носил односторонний характер и предусматривал только интересы Евросоюза. В первую очередь, Брюссель был заинтересован в бесперебойных и дешёвых поставках энергоресурсов из России. Второе – постепенная адаптация российского законодательства к европейскому правовому пространству, а также дальнейшая либерализация политической и экономической жизни России под фактическим контролем со стороны ЕС².

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=6&nd=201141043&intelsearch=&collection=1&publ=1 (дата обращения: 20.01.2023).

² Коллективная стратегия Европейского союза в отношении России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2000/1-2000/kollectiv-1-2000.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

Углубляющаяся трещина в отношениях России и ЕС пролегла с началом операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне (1994–1996 гг.) и последовавшей контртеррористической операции (7 августа 1999 – 20 апреля 2000 гг.). На саммите Европейского союза в Хельсинки (Финляндия) в декабре 1999 г. отношения между центрами были «заморожены». Тогда же со стороны правительства России, возглавляемого В. В. Путиным, принята «Стратегия развития РФ с ЕС на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)» – это первый документ России в отношении Евросоюза, определивший цели и дальнейшее двустороннее сотрудничество. Таким образом, произошло юридическое закрепление положения о равном развитии и взаимовыгодных отношениях³. Аналогичные принципы легли и в основу «Стратегии национальной безопасности России» от 2000 г. Артикулирование российским руководством своего намерения отстаивать национальные интересы было с настороженностью воспринято в ЕС.

Ещё одним краеугольным камнем в отношениях России и Европейского союза стал статус Калининградской области, в частности, речь шла о безвизовом проезде российских граждан в Калининград и обратно. Параллельно с этим вопросом негативную роль играли тарифные ограничения, введённые Евросоюзом; организованные антидемпинговые расследования⁴. Кроме того, российское руководство с нарастающей обеспокоенностью воспринимало расширение юрисдикции ЕС в сторону своих границ,

³ Стратегия развития Российской Федерации отношений с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mgimo.ru/files2/y11_2013/243404/4.4.strategy_russia_relations_eu.htm (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Иванов И. Д. Расширение ЕС и интересы России // Институт Европы РАН: [сайт]. URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2001/10.htm> (дата обращения: 20.01.2023).

происходящих без консультаций с официальной Москвой [3].

Вследствие участвовавших разногласий Брюссель выступил инициатором по созданию рабочей группы, рассматривающей наиболее сложные точки соприкосновения интересов России и стран ЕС. Тем не менее её работа оказалась малопродуктивной в связи с позицией руководства ЕС, исходящей из мнения, что процесс расширения Еврозоны – это его внутреннее дело.

Новые попытки нивелировать возникающее трение между Российской Федерацией и Европейским союзом были предприняты на совместном саммите в июне 2001 г. в Москве, вылившиеся в принятие проекта по созданию «Единого экономического пространства». В 2003 г. в Санкт-Петербурге достигнута договорённость о разработке дорожных карт, по реализации проекта¹. Однако стороны разошлись в понимании путей достижения поставленной цели. Главное разногласие заключалось в исключении России из разработок единых стандартов [7]. До определённого момента активно развивался диалог между двумя сторонами лишь в области энергетического взаимодействия.

Подлинным камнем преткновения в отношениях между Россией и Европой стал факт, что коллективный Запад единственно надёжной гарантией долгосрочного включения бывших постсоциалистических и ряда постсоветских стран в сферу влияния евроатлантического пространства считал не только политико-экономическое, но и военное освоение через структуры НАТО.

Расширение Североатлантического альянса на восток фактически началось с 1993 г. Позиция российского руководства, первоначально ограничившегося дипломатическими демаршами в отноше-

нии экспансионистских действий НАТО, изменилось после боевых действий, впервые с момента создания Североатлантического альянса инициированных против Югославии (24 марта – 10 июня 1999 г.). Неприятие действий НАТО стало в российском обществе предпосылкой для формирования общенационального консенсуса. В подобном сложном внешнеполитическом контексте осуществлялся процесс приднестровского урегулирования.

Состояние переговорного процесса до подписания Меморандума

В трагическое для приднестровского народа лето 1992 г., когда Кишинёв попытался силой вернуть Приднестровье в орбиту своего влияния, Россия возложила на себя тяжёлую миссию по деэскалации приднестровского конфликта. Несмотря на неоднократные обращения Москвы к СБСЕ (с 1994 г. – ОБСЕ) и ООН принять более активную роль в этом процессе, они в тот момент остались фактически безответны [6, с. 139]. В августе 1992 г. Приднестровье посетили инспекторы ООН, констатировавшие успешную организацию миротворческой миссии – соответственно, она стала осуществляться с согласия, пусть и косвенного, Организации Объединённых Наций.

Один из базовых принципов миротворчества как раз и заключается в том, что миссия может считаться успешной только в случае взаимного согласия между противоборствующими сторонами.

21 июля 1992 г. в Москве при участии лидеров России, Молдавии и Приднестровской Молдавской Республики подписано Соглашение о принципах мирного урегулирования вооружённого конфликта в Приднестровье, согласно которому в течение недели должен был произведён отвод всех войск с линии соприкосновения и создана так называемая зона безопасности. На этот участок протяжённостью 225 км и шириной 12–20 км, вводились миротворческие кон-

¹ Европейский союз: факты и комментарии. М., 2003. Вып. 32 [Электронный ресурс]. URL: http://www.edc-aes.ru/ru/union/archive/vipusk_32 (дата обращения: 20.01.2023).

тингенты России, Молдавии и Приднестровья, действующие под руководством Объединенной контрольной комиссией (ОКК)¹. 14-я российская армия, выполняющая функцию третейского судьи, контролировала стороны от возможной дальнейшей эскалации.

Помимо непосредственно миротворческой операции, Соглашение закладывало основу для последующего формата взаимоотношений Молдавии и Приднестровья. Оно не допускало, в частности, введения санкций со стороны договаривающихся сторон, создания каких-либо помех на пути движения товаров, услуг и людей.

21 октября 1994 г. между Россией и Молдавией было заключено новое соглашение «О правовом статусе, порядке и сроках вывода 14-й армии». Документ предписывал 14-й армии покинуть территорию Приднестровской республики в течение 3 лет. Второй момент: 65% от всего имущества 14-й армии, в т. ч. и движимого, отходило обратно России, 35% – Молдавии [6, с. 140].

Предусматривалось, что действие Соглашения могло быть пересмотрено, но при таком раскладе свою работу останавливала и ОКК (куда, помимо России, Молдавии и ПМР, с 1998 г. входили наблюдатели из Украины), и военные контингенты.

ОКК стала той площадкой, где в оперативном режиме купировались многочисленные текущие разногласия, тем самым создавая условия для политико-дипломатического урегулирования при переговорах на высшем уровне. Безусловно, сама по себе деятельность ОКК не могла гарантировать успех переговоров, но тем не менее, когда он прерывался, её деятельность в условиях неопределённости позволяла обеспечить стабильность в зоне безопасности.

Таким образом, миротворческая миссия на Днестре формально и выходила

за рамки классической миротворческой операции ООН, но в сложившихся условиях она решала свою главную задачу – прекращение огня и установление мира на Днестре.

Переговорный процесс начался фактически сразу же после ввода миротворцев. Уже в январе 1993 г. приступили к работе экспертные группы с целью зондирования возможного компромисса относительно будущего государственного устройства Молдавии. Официальный Кишинёв настаивал на создании административно-территориальной единицы с особым статусом в составе Молдавии. В то время как официальный Тирасполь предлагал учредить конфедеративное устройство, где Молдавия и ПМР представляли бы самостоятельные государственные образования (или, что касается Приднестровья, ассоциированного с Молдавией государственного образования), делегирующие ряд полномочий, прежде всего в сфере внешней политики и безопасности, общим органам управления.

Отсутствие взаимопонимания по принципиальному вопросу о статусе Приднестровья обусловили то, что постепенно переговоры приняли инертный и малопродуктивный характер [6, с. 142].

С 1993 г. к ним подключились полномочные представители президентов, в задачу которых, помимо прочего, входила координация взаимодействия органов государственного управления с обеих сторон. Итоговые решения принимались на уровне президентов.

Тем не менее это не привело к существенным подвижкам в переговорном процессе. Субстантивные противоречия между Молдавией и Приднестровьем препятствовали достижению компромисса. Это стало предлогом для привлечения дополнительных арбитров, что привело к постепенной интернационализации переговорного процесса.

Несмотря на решающую роль, которую Россия сыграла в учреждении миро-

¹ Создана 27 июля 1992 г.

творческой миссии, она не стремилась монополизировать ведущую роль в переговорном процессе. В 1994 г. с согласия России к урегулированию приднестровского конфликта в качестве посредника присоединилась ОБСЕ.

28 апреля 1994 г. президенты Молдавии и Приднестровья М. Снегур и И. Смирнов при участии главы миссии ОБСЕ в Молдове Р. Сэмюэла и представителя России В. Васева приняли заявление, в котором декларировалась приверженность в деле приднестровского урегулирования целям и принципам ООН, что должно было способствовать справедливому урегулированию конфликта.

В своей практической деятельности миссия ОБСЕ должна была осуществлять мониторинг ситуации в регионе, предоставлять консультации и прочее¹. Своё участие в урегулировании конфликта миссия обеспечивала как через работу наблюдателей, так и через непосредственную причастность к переговорам.

В конце 1999 г. в мандат ОБСЕ была включена амбициозная задача по обеспечению условий для вывоза и утилизации российских боеприпасов и вооружений из Приднестровского региона. Однако эта задача не была реализована вследствие осложнений, возникших после Стамбульского саммита ОБСЕ (18–19 ноября 1999 г.). Согласно Стамбульской Декларации государств – членов ОБСЕ Россия взяла на себя обязательство завершить вывоз российских боеприпасов, размещённых в с. Колбасна, к концу 2002 г. Однако это обязательство тесно увязывалось с ратификацией странами – членами НАТО адаптированного «Договора об обычных вооружённых силах в Европе», чего не произошло. К 2004 г. Россия вывезла из Приднестровья не-

сколько десятков эшелонов с боеприпасами, затем эти действия были приостановлены.

Вместе с тем миссия ОБСЕ внесла определённый вклад в решение частных вопросов, способствовавших определённой нормализации отношений между обоими берегами Днестра. При её содействии было открыто движение по мосту через р. Днестр в районе с. Гура-Быкулуй; обеспечен доступ молдавских фермеров к земельным участкам в Дубоссарском районе Приднестровья и др.². Однако жёсткая привязанность ОБСЕ к политике ЕС и НАТО не позволила ей стать беспристрастным посредником в приднестровском урегулировании.

В этих условиях России ничего не оставалось как в очередной раз активизировать свою посредническую деятельность. При её содействии 5 июля 1995 г. Молдавия и ПМР подписали совместное соглашение «О поддержании мира и гарантиях безопасности между Республикой Молдова и Приднестровьем». Оно стало первым межгосударственным документом, в подписании которого участвовала в т. ч. и приднестровская сторона, что стало косвенным свидетельством её признания.

Принципиальным новшеством Соглашения стало обращение договаривающихся сторон к России, ОБСЕ и Украине с предложением стать уже не просто посредниками, а гарантами соблюдения его условий, что должно было придать устойчивость переговорному процессу.

С этого момента переговорный процесс стал развиваться по восходящей. 19 января 1996 г. принято трёхстороннее заявление президентов России, Украины и Молдавии, где на Кишинёв и Тирасполь возложены обязанности по выработке компромиссного решения, учитывающие специфику и традиции приднестровского региона. Фундаментом нового документа должен был стать статус Приднестров-

¹ Кортунюв А. Роль ОБСЕ в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве // РСМД: [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-obse-v-uregulirovaniikonfliktov-na-postsovetskom-prostranstve/?sphrase_id=87258168 (дата обращения: 20.01.2023).

² Там же.

ской Молдавской Республики как части Республики Молдова¹. Однако согласно дополнительному протоколу между ПМР и Молдавией от 11 марта 1996 г. Приднестровье получает право на:

- самостоятельное управление;
- принятие собственного Основного закона и других нормативно-правовых актов;
- использование собственной государственной символики;
- установление в качестве официальных русского, украинского и молдавского языков;
- самостоятельные международные экономические, культурные и научно-технические контакты.

Де-факто Приднестровье становилось государственно-территориальным образованием, а Республика Молдова оставалась в рамках международных признанных границ².

Сближение позиций обеих сторон создало предпосылки для принятия 8 мая 1997 г. Меморандума «О принципах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем»³, подписанного президентом Молдавии П. Лучинским и президентом ПМР И. Смирновым при посредничестве РФ, Украины и представителя миссии ОБСЕ в Кишинёве⁴.

В документе, помимо употребления термина «стороны» (что говорило о равноправной позиции подписантов), фигурировал ряд особо важных понятий.

Во-первых, речь идёт об «общем государстве» в рамках границ Молдавской ССР (на период января 1990 г.), во-вторых – становление «государственно-правовых отношений», основанных на «взаимно согласованных решениях», ведущих к «разграничению полномочий».

Предлагаемый подход создал все необходимые условия для финализации урегулирования конфликта и удовлетворения потребности каждой из сторон. Украина и Россия выступили гарантами соблюдения статуса Приднестровской Молдавской Республики, ОБСЕ получила статус посредника.

17 февраля 1998 г. прошла новая встреча руководителей Молдавии и Приднестровья, где при участии России и Украины стороны подписали протокол о подготовке проектов документов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность, работу таможенных служб и органов безопасности, образование.

20 марта 1998 г. в Одессе подписан ещё один ключевой документ – «Соглашение о мерах доверия и развития контактов между Республикой Молдова и ПМР», предполагающий сокращение численности миротворческого контингента Молдавии и ПМР, контрольно-пропускных постов в «зоне безопасности»; привлечение украинских военных наблюдателей и миссии ОБСЕ.

Таким образом, переговорный процесс трансформировался в схему «2+3», в котором есть: 2 стороны конфронтации – Молдавия и ПМР, гаранты стабильности – Россия и Украина, посредник – ОБСЕ.

За этим последовал ряд договорённостей, которые должны были благодаря политике «малых дел» закрепить нормализацию двусторонних отношений. Так, 21 июля 1998 г. между Молдавией и Приднестровьем в лице президентов П. Лучинского и И. Смирнова подписаны совместные гарантии безопасности по использованию мостов через Днестр и железной дороги на территории ПМР; урегулированы вопросы в топливно-

¹ Губарев С. Уроки Московского меморандума 1997 года о нормализации отношений между Молдавией и ПМР // Регнум: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/1534138.html> (дата обращения: 20.01.2023).

² Губарев С. Уроки Московского меморандума 1997 года о нормализации отношений между Молдавией и ПМР // Регнум: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/1534138.html> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Прим.: Неофициальные названия: «Московский меморандум 1997 г.», «Меморандум Примакова».

⁴ Меморандум «О принципах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2006/03/23/memorand/> (дата обращения: 20.01.2023).

энергетической сфере, установлен порядок взимания акцизов и налогов на добываемую стоимость и пр.

В начале 1999 г. со стороны ПМР была предложена новая концепция по выстраиванию «общего» государства, однако инициатива не получила одобрения в элитарных кругах Молдавии. Тем не менее уже 16 июля того же года делегации Молдавии и Приднестровья документально зафиксировали принципы построения своих связей на основе общих границ, единого экономического, правового и социального пространства, а также придерживаясь единого начала в оборонной сфере.

Однако позднее конструкция «общего государства» дала трещину вследствие его различного политико-правового толкования в Кишинёве и Тирасполе. Если Тирасполь исходил из того, что сосуществование с Правобережьем должно основываться на федеративной конституционной модели, то Кишинёв, как позже выяснилось, продолжал придерживаться унитаристского подхода, найдя в этом поддержку западных партнеров.

Расходящиеся позиции Кишинёва и Тирасполя в видении общего будущего привело к очередной стагнации переговорного процесса. Попытка ОБСЕ преодолеть тупиковую ситуацию не имела успеха.

В создавшейся патовой ситуации Россия взяла инициативу на себя, предложив меморандум «Об основных принципах государственного устройства объединённого государства», в последующем прозванного «Меморандумом Козака»¹.

Актуальное звучание «Меморандума Козака»

Совместное участие в разработке меморандуме в 2003 г. стало пиком кон-

¹ Меморандум «Об основных принципах государственного устройства объединённого государства» // МИД Приднестровской Молдавской Республики: [сайт]. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/KdT> (дата обращения: 20.01.2023).

структивного взаимодействия Молдовы и Приднестровья. Работу над меморандумом со стороны России курировал Д. Н. Козак (будучи на тот момент первым замом руководителя Администрации Президента России), со стороны Молдовы – президент республики В. Воронин, со стороны ПМР – президент И. Н. Смирнов. Подготовка документа потребовала множества согласований, причём на уступки под воздействием Москвы приходилось идти преимущественно приднестровской стороне².

В проекте речь шла уже не о конфедерации, а об «асимметричной федерации». Асимметричная федерация, которая, как известно, характеризуется разностатусностью субъектов, получила значительное распространение в политико-правовой практике. В настоящее время асимметричными федерациями являются Индия, Танзания, Бразилия, Канада и ряд других стран, что не мешает им обеспечивать относительно стабильное внутриполитическое пространство.

В проекте меморандума не указывалось, сколько образований должно войти в состав будущей Федеративной Республики Молдова, но подразумевалось, что таковых будет три: Правобережная Молдова, Приднестровье и Гагаузия, уже получившая в 1994 г. особый статус³.

Предлагаемая избирательная система и порядок формирования парламента предоставляла депутатам от ПМР и Гагаузии в переходный период возможность блокировать законопроекты, если они ущемляли интересы их автономий, используя право вето.

Республика Молдова со своей стороны должна была соблюдать нейтральный статус, а также придерживаться принци-

² Артёмченко С. Москва между правдой ПМР и иллюзиями Молдавии: 15 лет «Меморандуму Козака» // Регнум: [сайт]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2547330.html> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Флоря К. Это страшное слово «федерализация» // NOI.MD: [сайт]. URL: <https://noi.md/ru/analitika/jeto-strashnoe-slovo-federalizaciya> (дата обращения: 20.01.2023).

па демилитаризации. Более того, Молдавии предписывалось предоставить на 20 лет доступ российским вооруженным силам на территорию ПМР.

Фактически в момент заключения меморандума, когда, казалось, все спорные вопросы были согласованы, президент Молдавии В. Воронин под давлением западных центров принятия решения в ночь с 24 на 25 ноября 2003 г. отказался от подписания уже парафированного им соглашения на том основании, что договор носит односторонний характер в пользу Приднестровья, а также в последующем даёт им основания на обретение независимости.

При этом замалчивалось, что проект федерализации Молдавии не являлся односторонним «изобретением» российской и приднестровской сторон. За год до этого, в 2002 г., ОБСЕ представила свой проект федерализации, который не вызвал отторжения молдавских властей.

Согласно плану ОБСЕ молдавский оставался государственным языком на всей территории Молдавии, однако Приднестровье и Гагаузия имели бы право использовать в административных учреждениях свои официальные языки наряду с государственным. План ОБСЕ предусматривал разграничение полномочий между Центром и территориальными образованиями. Предполагалось, что Центр будет отвечать за внешнюю политику, оборону и безопасность, охрану внешних границ и воздушного пространства, а также за проведение единой налоговой и финансовой политики.

Отличие двух планов заключалось в порядке избрания законодательного органа, а также доли представительства в нём депутатов от Приднестровья и Гагаузии, не позволявшей Тирасполю и Комрату существенным образом влиять на законодательную деятельность.

ОБСЕ настаивала также на том, чтобы обустройство Молдавии на федеративных принципах осуществлялось под контролем миротворческой миссии ОБСЕ,

в то время как Россия исходила из необходимости сохранения российских войск как гаранта мира и стабильности на Днестре.

Эти расхождения и стали поводом для того, чтобы Запад, а вместе с ним и В. Воронин, в конечном итоге отвергли «Меморандум Козака».

Однако официальное утверждение Кишинёва о том, что предложенная российской стороной модель федерации превращает Молдавию в «нежизнеспособное» государство, не соответствовало действительности.

Право вето Приднестровья, как уже отмечалось, вводилось исключительно на переходный период и распространялось только на поправки к федеративной конституции, которую требовалось принять¹. Законотворческая деятельность сохранялась в руках федерального центра.

Что касается российского военного присутствия, то Москва-Тирасполь при непосредственном влиянии Молдавии сумели договориться по ряду ключевых положений: во-первых, изменён статус военного контингента с «мирогарантийного» на «стабилизационный»; во-вторых, сокращён срок российского военного присутствия до 2020 г.; в-третьих, численность российской группы войск не должна превышать 2 000 человек.

Решающую роль в срыве подписания «Меморандума Козака» сыграли не разногласия по отдельным аспектам федеративного устройства, а геополитический фактор, когда российское присутствие, пусть даже на временной основе, было неприемлемо для ЕС и США. Кроме того, для себя Россия бы создала успешный прецедент по урегулированию территориально-политического конфликта, что не укладывалось с официальным политическим курсом стран НАТО и его союзников.

¹ Флоря К. Это страшное слово «федерализация» // NOI.MD: [сайт]. URL: <https://noi.md/ru/analitika/jeto-strashnoe-slovo-federalizaciya> (дата обращения: 20.01.2023).

Заклучение

Таким образом, эволюция переговорного процесса по урегулированию приднестровского вопроса, несмотря на его сложность и противоречивость, постепенно способствовала, благодаря конструктивной роли России, сближению позиций сторон, утверждению реалистичного подхода к возможному построению «общего» государства, что создавало предпосылки для оптимального урегулирования приднестровского конфликта. Ключевое значение на этом отрезке переговорного процесса имел «Меморандум Козака».

Срыв его подписания (по вине Запада) привёл к тому, что переговорный процесс стал развиваться по нисходящей траектории. Предлагаемые в последующем иные проекты приднестровского урегулирования (в частности, план тогдашнего украинского президента В. Ющенко,

2005 г.) оказались нежизнеспособными. После «Меморандума Козака», несмотря на почти 20-летний срок, не появилось ни одного сопоставимого по значимости проекта урегулирования приднестровской проблемы.

Очевидно, что Российская Федерация всесторонне вовлечена в ситуацию, сложившуюся вокруг Приднестровья, и является гарантом мирного урегулирования конфликта, что обуславливает актуальность данной статьи. Результаты исследования могут быть использованы при составлении лекционных курсов по современной истории и внешней политике России, истории конфликтов на постсоветском пространстве, а также как одна из позиций для дальнейшего исследования данной проблематики.

Дата поступления в редакцию 20.02.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Колосов В. А. Приднестровский конфликт и миротворческие усилия России (март–август 1992 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 2. С. 76–78.
2. Колосов В. А. Роль 14-й армии в активной фазе Приднестровского конфликта // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. № 3. С. 39–45.
3. Лавренов С. Я. Предыстория российской миротворческой миссии в Приднестровье. К 30-летию со дня начала. // Обозреватель. 2022. № 7–8. С. 125–142.
4. Лавренов С. Я. Становление государственности Приднестровья (К 30-летию со дня образования ПМР) // Постсоветский материк. 2020. № 2. С. 115–132.
5. Лавренов С. Я., Шамаров П. В. Российское миротворчество в Приднестровье (К 25-летию со дня начала) // Обозреватель. 2017. № 10. С. 58–71.
6. Лавренов С. Я., Губарь А. И. Уникальность российской миротворческой миссии на Днестре // Обозреватель. 2022. № 11–12. С. 137–153.
7. Потёмкина О. Ю., Кавешников Н. Ю. Россия и Европейский союз: «холодное лето» 2007 года // Современная Европа. 2007. № 3. С. 24–39.
8. Webber M. Russia and Europe: Conflict or Cooperation? New York: Macmillan, 2000. 233 p.

REFERENCES

1. Kolosov V. A. [The Transnistrian conflict and Russia's peacekeeping efforts (March-August 1992)]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region* [University news. North-Caucasian region. Social sciences series], 2008, no. 2, pp. 76–78.
2. Kolosov V. A. [The role of the 14th Army in the active phase of the Transnistrian conflict]. In: *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University news. North-Caucasian region. Social sciences series], 2007, no. 3, pp. 39–45.
3. Lavrenov S. Ya. [About the background of the Russian peacekeeping mission in Pridnestrov'e. To the 30th anniversary of the beginning]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2022, no. 7–8, pp. 125–142.
4. Lavrenov S. Ya. [Formation of the Pridnestrovian statehood (to the 30th anniversary of the PMR's formation)]. In: *Postsovetkiy materik* [Post-Soviet mainland], 2020, no. 2, pp. 115–132.

5. Lavrenov S. Ya., Shamarov P. V. [Russian peacemaking in Transnistria (the 25-th anniversary)]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2017, no. 10, p. 58–71.
6. Lavrenov S. Ya., Gubar A. I. [The uniqueness of the Russian peacekeeping mission on the Dniester]. In: *Obozrevatel* [Observer], 2022, no. 11–12, pp. 137–153.
7. Potemkina O. Yu., Kaveshnikov N. Yu. [Russia and the European Union: “cold summer” 2007]. In: *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe], 2007, no. 3, pp. 24–39.
8. Webber M. *Russia and Europe: Conflict or Cooperation?* New York, Macmillan, 2000. 233 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Губарь Анатолий Иванович – соискатель кафедры новейшей истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: gubar_an@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anatoly I. Gubar – External Postgraduate Student, Department of Modern History of Russia, State University of Education;
e-mail: gubar_an@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губарь А. И. Роль «Меморандума Козака» в приднестровском урегулировании: актуальное прочтение // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 126–136.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-126-136

FOR CITATION

Gubar A. I. The role of the “Kazak Memorandum” in the Transnistrian settlement: current reading. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 3, pp. 126–136.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-3-126-136